

Информация для цитирования:

Финогентова О. Е., Токарев В. А. Зарождение социологической теории права в СССР // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 16–32. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-16-32.

Finogentova O. E., Tokarev V. A. Zarozhdenie sotsiologicheskoy teorii prava v SSSR [The Emergence of the Sociological Theory of Law in the USSR]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2017. Issue 35. Pp. 16–32. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-16-32.

УДК 340.13

DOI: 10.17072/1995-4190-2017-35-16-32

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СССР**О. Е. Финогентова**

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
236016, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

ORCID: 0000-0003-4568-9764

ResearcherID: Q-8256-2016

e-mail: finogentovaoc@mail.ru

В. А. Токарев

Кандидат юридических наук, зав. кафедрой истории государства и права
Самарская государственная областная академия (Наянковой)
443001, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 196

ORCID: 0000-0001-5281-5517

ResearcherID: S-4989-2016

e-mail: basiletok@gmail.com

Введение: статья посвящена исследованию генезиса советской науки теории права, в частности анализу социологической концепции права П. И. Стучки. В связи с этим вопросы взаимосвязи правоведения с другими общественными науками – философией, политологией, социологией – приобретают особое значение. Отдельное внимание уделяется попыткам примирения основополагающего тезиса марксизма об отмирании государства и права в коммунистическом обществе с реалиями молодого советского государства. **Цель:** сформировать представление о предпосылках и особенностях формирования отечественной юридической науки в 20–30-е гг. XX в. на основе анализа основных проблем, поставленных и решаемых ведущими советскими юристами. **Методы:** теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** анализ показал, что в своем стремлении примирить положения марксистской философии с реальностью и внутренней логикой права советские юристы опирались на достижения отечественной дореволюционной науки, прежде всего социологического направления в правоведении. Кроме того, характерный для первого десятилетия Советской власти относительный эпистемологический плюрализм в общественных науках позволил им разрабатывать оригинальные концепции, например, кодификации. **Выводы:** советская наука теории права на этапе своего становления столкнулась с проблемами определения сущности и содержания права, специфики его взаимоотношений с государством и обществом нового типа, которые были обусловлены как господствующей идеологией марксизма-ленинизма, так и характерными для юриспруденции эпистемологическими препятствиями к познанию права. Попытки решения этих проблем, предпринятые советскими учеными, представляют несомненный интерес для современных теоретиков права в перспективе поиска адекватной методологии правовых исследований.

Ключевые слова; юридическая эпистемология; марксизм; правовая реальность; естественное право; позитивизм; социологическая теория права; революционное право; диктатура пролетариата

THE EMERGENCE OF THE SOCIOLOGICAL THEORY OF LAW IN THE USSR

O. E. Finogentova

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia
ORCID: 0000-0001-5281-5517
ResearcherID: Q-8256-2016
e-mail: finogentovaoc@mail.ru

V. A. Tokarev

Samara State Regional Academy (Nayanova)
196, Molodogvardeiskaya st., Samara, 443001, Russia
ORCID: 0000-0003-4568-9764
ResearcherID: S-4989-2016
e-mail: basiletok@gmail.com

Introduction: the article is devoted to the analysis of the genesis of the Soviet theory of law, in particular, of the sociological concept of law by P. Stuchka. In this regard, the relation of jurisprudence with other social sciences, such as philosophy, political science and sociology, acquires particular importance. Special attention is paid to the attempts of reconciliation of Marx's concept of withering away of the state and the law in a communist society with the realities of the young Soviet state. **Purpose:** to form a concept of prerequisites and peculiarities of formation of Russian legal theory in the 1920–30s. **Methods:** theoretical methods of formal and dialectic logic have been applied. **Results:** the analysis shows that in their attempt to reconcile Marxist theory with the reality and inner logic of the law the Soviet jurists relied on the achievements of pre-revolutionary Russian legal theory, primarily a sociological theory of law. In addition, the relative epistemic pluralism of social sciences in the first decades of the Soviet regime allowed them to elaborate original concepts, for example, the concept of codification. **Conclusions:** the Soviet theory of law in its early stages faced the problems of determining the essence and the content of law, and of the relationship between the law, state and society of a new type. The problems were caused by the dominant ideology of Marxism-Leninism and epistemological obstacles in legal knowledge. The attempts to solve these problems undertaken by the Soviet jurists are of great interest to modern legal theorists who are in search for appropriate methods of legal research.

Keywords: legal epistemology; Marxism; legal reality; natural law; positivism;
sociological theory of law; revolutionary law; dictatorship of the proletariat

Введение

Современные представители юридической эпистемологии указывают на три препятствия, с которыми сталкиваются юристы в процессе познания права. Прежде всего, это мнимая прозрачность предмета их исследований, оборачивающаяся его подменой, когда под лозунгом непосредственного обращения к правовому опыту между правовой реальностью и ученым устанавливается своеобразный экран из понятий, категорий и концептов, которые, в конечном счете, и становятся подлинным предметом изучения. Второе препятствие заключается в том, что формируемая таким образом юридическая наука выполняет функцию репрезентации общественной жизни, не объясняя и даже не описывая ее, а представляя через понятия, категории и концепты определенную модель отно-

шений в конкретном обществе. В то же время на поверку данная модель оказывается не только абстрактной, что обусловлено природой инструментария, при помощи которого она создается, но и идеалистической, поскольку несет на себе отпечаток определенной идеологии. Наконец, обособленное изучение и преподавание юридических дисциплин на факультетах права приводит к разрыву между ними и иными науками, преодолеть который правоведы пытаются за счет т.н. «междисциплинарного подхода» [36, pp. 37–68].

Причины уверенности юристов в очевидности предмета их науки лежат на поверхности. Позитивизм, занявший прочные позиции в XIX в. и затем развивавшийся в различных вариациях (особенно бурно в нашей стране в силу ряда причин), превозносит опыт как надежный

ориентир в познании правовой реальности. Более того, знания о праве являются, с точки зрения позитивистов, ничем иным, как квинтэссенцией правового опыта, полученного в обществе. На самом деле место непосредственного правового опыта в их исследованиях занимает его метафизическое опосредование, или, по выражению К. Маркса, критикующей философии права Гегеля «логический, пантеистический мистицизм» [13, т. 1, с. 224]. В результате такой подмены понятия, категории и концепты становятся самостоятельными субъектами, отодвигая на второй план настоящих субъектов права. Вовлекаясь в эту игру, правовед рискует забыть о том, что понятия, категории и концепты вторичны, поскольку они обслуживают процесс познания правовой реальности как вспомогательные инструменты, тогда как первична правовая реальность, в которой субъект права пытается найти ответы на свои вопросы о свободе и справедливости. Между тем, если правовая реальность не укладывается в «прокрустово ложе» юридической науки, позитивисты подгоняют ее под определенные стандарты, заданные *a priori*, главным среди которых является постулат об универсальности права. Магия слова «право» такова, что она допускает разнообразные варианты его применения без каких-либо временных или пространственных ограничений. Так, советские юристы в период НЭПа пытались примирить основные положения учения К. Маркса и Ф. Энгельса о праве и государстве с социальными, экономическими и политическими реалиями первого послереволюционного десятилетия, предлагая новую, адекватную им терминологию. Как утверждает известный британский историк политических и правовых учений Дж. Келли, анализируя ту эпоху, «официальная теория, использовавшаяся для объяснения сохранения этих буржуазных форм, основывалась на положении о том, что новый правовой порядок действительно выражал интерес господствующего класса; но этим классом, разумеется, теперь был пролетариат. И данный правовой порядок должен был функционировать исходя из основных целей и предназначения этого класса. Такая общая установка была провозглашена еще в 1921 г. народным комиссаром юстиции первого революционного правительства, юристом Петром Стучкой (1865–1932); он резюмировал ее в 1928 г., отметив, что советское право, поддерживаемое государством в переходный период, является буржуазным правом, но без буржуазии» [32, р. 372].

Модель правовой реальности, предлагаемая позитивистами, является комплексом суждений о ней, взаимосвязанных и подчиненных прави-

лам их высказывания и оценки. Правила построения юридического дискурса оказываются более значимыми для позитивиста, чем собственно правовые нормы, так как правовую реальность всегда можно подчинить представлению о ней через универсальные понятия, категории и концепты юридической науки. В исследованиях позитивистов внимание акцентируется на внешних признаках присутствия в общественной жизни закона, затем на самом законе, точнее, на нормах права, но почти никогда – на праве. Достаточно видеть и слышать, что закон существует и его действие неотвратимо, а постоянным напоминанием об этом служит юридическая наука. Она должна не просто объяснять, но и *оправдывать* существование закона и конкретной формы государства. Законодательство и юридическая наука вместе навязывают субъекту некую модель, образ правовой реальности. Как отмечают зарубежные юристы, когда начинается судебный процесс, к субъекту на основе действующего законодательства и в соответствии с господствующими представлениями о праве и государстве применяется символическое насилие, которое со временем становится реальным [26, р. 142].

Влияние и роль той или иной правовой концепции в общественной жизни ослабевает или усиливается, концепции могут вытеснять друг друга (например, вытеснение во второй половине XIX в. – первой половине XX в. юридическим позитивизмом естественно-правовых учений), но их основные положения сохраняются и реализуются на практике при наличии соответствующих условий. Однако следует помнить о том, что попытки реализации политико-правового учения, как правило, не приводят к тому результату, о котором мечтали его создатели. Не стала исключением и судьба марксистского учения о праве и государстве в советской России. Анализу основных проблем, связанных с осмыслением и преобразованием этого учения отечественными юристами 20–30-х гг. XX в., прежде всего П. И. Стучкой, посвящена настоящая статья. Она состоит из трех частей, в которых последовательно рассматриваются особенности марксистского подхода к сущности государства и права, постреволюционные концепции государства и права, а также исторические предпосылки формирования и развития социологической теории права в СССР.

I. Марксистский подход к определению сущности государства и права

Краеугольным камнем марксистского учения о коммунистическом обществе является идея об отмирании в нем таких социальных ин-

ституты, как государство и право. Потребность в них исчезнет с исчезновением классового деления общества. При этом, как отмечает один из биографов К. Маркса, «обещание отсутствия права, приводящего к “совершенной справедливости”, правильно интерпретировалось Кельзеном как “утопическое пророчество”» [34, р. 78]. Поскольку каждому типу государства соответствует конкретный тип права, постольку с отмиранием государства право, понимаемое К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве исторически преходящего явления, в котором общество заинтересовано только на определенном этапе своего развития, также отомрет. Марксизм не оставляет для права места в будущем коммунистическом обществе, где, по выражению французского правоведа Ф. Терре, «исчезновение права следует за отмиранием государства» [38, р. 155].

Подчеркнем, что марксизм не поднимал и не исследовал проблему сущности права, отличной от его социально-экономической сущности. По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, право является частью надстройки над экономическим базисом, носит второстепенный, производный характер. Как отмечает австралийский профессор права А. Зиммерман, «Маркс считал, что, по сути, в существовании права не может быть ничего хорошего. Вызванные к жизни необходимостью регулировать конфликты, возникающие между социальными классами, позитивные законы исчезнут вместе с окончательным наступлением коммунизма» [42, р. 20]. При этом марксизм описывает и объясняет правовую действительность, которую он, по словам А. Зиммермана, «ограничивает определенными экономическими отношениями», с помощью понятий и категорий классовой борьбы, формации, экономической детерминации общественных явлений. Вообще, преувеличение роли классового начала в процессе образования и развития права является характерной чертой марксизма. По мнению его теоретиков, классовые противоречия выступают в роли «спускового механизма» при зарождении права и катализатора социального прогресса в целом. Детерминистский подход марксистов к пониманию особенностей развития общества, его структурных элементов фактически препятствовал развитию социальных механизмов, направленных на совершенствование правового порядка и юридического инструментария.

Так, профессор С. С. Алексеев проводит интересную аналогию между естественно-правовыми идеями и марксистской философией права. По его мнению, несмотря на противоречия между ними и кажущееся отсутствие у них об-

щего знаменателя, центральным понятием марксистской философии права становится новая версия «естественного права» – «революционное право, своего рода суперправо пролетариата на коренное преобразование мира». Причем право понимается марксистами не в строгом юридическом значении, даже не просто в значении права власти, а в широком смысле, т. е. как «обоснованность, оправданность» тех или иных действий, наличие у них «достаточного основания» [2, с. 480]. Марксистское «естественное право» обладает неоспоримым приоритетом перед позитивным правом и тем самым легитимизирует злоупотребления им. Заметим, что с мнением С. С. Алексеева согласны и зарубежные специалисты по истории правовой мысли советского периода. Например, Фр. Дж. Гоман, анализируя в статье «Советская теория юриспруденции» (1965) концепцию права П. И. Стучки, отмечает: «Он полагал, что существует естественное право, уходящее своими корнями в общественные отношения. Это естественное право имеет приоритет над искусственным правом, которое состоит из законов и правительственных постановлений» [31, р. 405].

На практике реализация марксистского учения о праве и государстве привела к попранию норм права и установлению диктатуры, тогда как суть этого учения – идея отмирания права и государства – была видоизменена. Если период ленинского вождизма характеризуется неким романтическим настроением, высокими коммунистическими идеалами, то период сталинского режима связан с созданием тоталитарной системы власти, в которой личность, вопреки ожиданиям К. Маркса, высказанным им, например, в статье «К еврейскому вопросу» [13, т. 1, с. 406], не получала всестороннего развития, являясь лишь винтиком в огромной государственной машине. В советском государстве при реализации марксистской философии права произошло отступление от одного из ее основных положений, а именно превознесение роли государства, доведение ее до абсолюта. Напротив, в соответствии с основными положениями марксизма, «полугосударство», рассчитанное только на переходный период, не предполагает наличия ни постоянного аппарата управления, ни постоянной армии. Коррективы были внесены и в идею об отмирании права. Так, В. И. Ленин утверждал: «...Не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу» [12, т. 33, с. 95]. Рассматривая право при социализме как временное явление, наличие которого в обще-

стве обусловлено рядом объективных обстоятельств, он подразумевал именно буржуазное право. По его мнению, «в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) буржуазное право отменяется не вполне, а лишь частично, только по отношению к средствам производства» [12, т. 33, с. 94].

Место и роль права, правопорядка и судебной системы в строящемся государстве «диктатуры пролетариата» опиралось на учение В. И. Ленина о государстве и классовой борьбе, которое легитимировало установление политического господства пролетариата в форме его диктатуры, т. е. власти, опиравшейся непосредственно на вооруженную силу масс и ни с кем не разделяемой. Поскольку пролетариат является единственным легитимным носителем власти, постольку его диктатура, как определенная система власти, не может быть ограничена формальным законом, а применение ею насилия законно и необходимо. Именно это положение стало ключевым, раз и навсегда определившим отношение большевиков не только ко всей системе власти, но и к ее стержневым составляющим – праву и закону. Как отмечает по поводу юридической природы диктатуры пролетариата Ф. Борелла, «единственная партия, авангардная партия и ее лидер решают неразрешимый вопрос либеральной демократии: управляет ли народ собой, когда на деле управляет большинство? Ответ очевиден: народом являются эта партия и ее лидер» [23, р. 109].

Следующее принципиально важное положение большевистской концепции права – взаимообусловленность права государственной властью и политикой. По мнению зарубежного специалиста по правовой идеологии П. Херста, «социализм – ничто, если он не является политической теорией: дискурс, который направляет политику к созданию определенных форм общественных отношений определенными способами; дискурс, который может создавать и оценивать политические ситуации (с точки зрения определенных целей)» [30, р. 8]. Классическая идея приобрела в ленинской интерпретации новое содержание, поскольку право и закон получили официальное признание в качестве орудия государственной политики. Еще в 1916 г. В. И. Ленин писал в статье «О карикатуре на марксизм им об “империалистическом экономизме”»: «Закон есть мера политическая, есть политика» [12, т. 30, с. 99]. Действительно, политика была и остается важным компонентом государственной правотворческой деятельности, а законы являются ее концентрированным выражением, но в связке «политика – право», с точки зрения лидера большевиков, политика

превалирует, а право становится вспомогательным инструментом политики. По сути, он отказывает праву в самостоятельности и внутренней логике, подменяя их политической целесообразностью. Повод для такого отношения к праву давали сами авторы «Манифеста Коммунистической партии». Если судьба человечества рассматривалась ими в перспективе построения общества, не знающего права, то последнее не должно было содержать в себе каких-либо универсальных ценностей и принципов, представляя собой, как подчеркивает британский профессор Х. Коллинз, переходный механизм, просто иллюстрирующий «процесс политической борьбы и эволюции общественных формаций» [25, р. 9].

Таким образом, суть проблемы заключается не в смене ориентиров и преувеличении роли и значения государства, а в смешении идей К. Маркса о государстве и праве, его представлений о коммунистическом обществе с политикой этатизма. Иными словами, произошла не замена марксистской философии права государственной идеологией, возвеличивающей власть, а огосударствление утопической философии коммунизма. Это привело к созданию специфической системы «двухэтажного права» (Алексеев С. С.) – сосуществованию позитивного права, которое подчас содержало довольно прогрессивные для своего времени положения, и имевшего перед ним приоритет «революционного права». Советские Конституции, закрепляя основные права личности и формально гарантируя их соблюдение, тем самым создавали иллюзию правового государства, однако на практике реализация этих норм не осуществлялась. «Другие, напротив, стремятся, следуя мысли Карла Маркса, временно установить диктатуру пролетариата для того, чтобы затем перейти к коммунистическому обществу, в котором были бы гарантированы свобода, равенство и реальная демократия. Их цель – демократическая, в отличие от такого средства ее достижения как диктатура пролетариата», – отмечает французский юрист М.-А. Коанде [24, р. 151]. Провозглашенный принцип социалистической законности являлся химерой, прикрывавшей произвол и насилие. Как отмечает С. С. Алексеев, понятие «революционное право», хотя оно стоит ближе всего к понятию «правосознания», т. е. субъективным представлениям людей о «реальном, желаемом и допустимом праве», на самом деле «означает нечто значительно большее чем просто «сознание» и представляет собой что-то вроде революционного естественного права». Оно фактически выходит за рамки понятия «правосознание», так как разрешает «то, что не допускает

ни одна из систем позитивного права и никакое сознание, содержащее категорию “право” в строго юридическом его значении, – прямое, неконтролируемое, беспредельное и массовое насилие» [2, с. 482–483]. Невозможность реализации на практике прогрессивных принципов и норм советского права связана с тем, что ведущим элементом сложившейся правовой системы оказалось т. н. «революционное право», которое давало возможность, не ограниченную позитивным правом, вождю и партийной номенклатуре действовать по своему усмотрению.

Позитивное право было необходимо большевикам для оправдания принимаемых ими решений и осуществляемых мероприятий и выполняло, скорее, декоративную роль. Так, по мнению А. Г. Гойхбарга, «хорошо бы было обойтись без самого слова «право», если бы мы могли заменить его другим» [4, с. 4]. Но замена позитивного права революционным правом была осуществлена, в результате чего советское право представляло собой такую юридическую систему, доминирующим началом которой неизменно оставалось «революционное право». Однако и оно нуждалось в адекватном осмыслении, обуславливая формирование в первое десятилетие советской власти ряда оригинальных правовых концепций. Что касается учения К. Маркса о государстве и праве, то с ним произошло то, о чем в середине 1960-х гг. весьма точно напишет известный французский философ права и историк политико-правовых учений М. Вилле: «Следует согласиться с марксистами: в нашей философии права мы уделяем Марксу недостаточно внимания. Мы поднимаем много шума вокруг того или иного школьного упражнения, применяющего к праву модные философии, представляющие собой всего лишь вариации на одну и ту же тему, тогда как революционная сила, которой Маркс пытался наделить нашу юридическую мысль, и сто лет спустя остается малоизученной. ...И в тех работах, где ссылаются на Маркса, ...его учение часто является объектом плоских интерпретаций, затушевывающих остроту его мысли» [39, р. 329].

II. Постреволюционные правовые концепции

Прежде всего, все постреволюционные концепции права опирались на ленинский постулат о невозможности переустройства мира и построения коммунистического общества методами, отличными от насильственных. Из этого положения вытекали необходимость теоретического обоснования диктатуры пролетариата, поиска возможных форм приспособления права к советской реальности, отрицание его объек-

тивной природы и смысла, а также обоснование временного характера права при социализме. Столь узкие рамки, разумеется, не позволяли советской юридической науке выйти за пределы марксистской догматики и теории революционного насилия, делая невозможным создание какой-либо последовательной концепции права, свободной от идеологии классовой борьбы. Сведение познания права к его отрицанию повлечет за собой серьезные негативные последствия, важнейшим из которых станет правовой нигилизм, достаточно быстро сформировавшийся в советском обществе. Направленный сначала против буржуазного права, он распространился и на социалистическое право, которому советские юристы отводили второстепенную роль в управлении обществом и государством. При этом основными методами управления должны были стать внеправовые механизмы принуждения.

Поэтому советские идеологи стремились изменить сложившиеся в отечественной дореволюционной науке представления о праве, отказываясь от классических концепций его сущности, точнее, акцентируя внимание на роли государственного принуждения в механизме правового регулирования общественных отношений. Так, известный партийный и государственный деятель Н. И. Бухарин считал, что принуждение необходимо перенести и на «трудящихся, и на сам правящий класс», поскольку он до сих пор несет на себе «печать товарно-капиталистического мира» [3, с. 140–141]. Только пролетарское принуждение в форме «расстрелов и трудовой повинности» являлось, по его мнению, тем эффективным методом, который позволил бы выработать «из материала капиталистической эпохи» коммунистическое общество [3, с. 146]. Основополагающим методом формирования нового общественного строя провозглашалось юридически оформленное насилие.

После революции часть советских марксистов поспешила объявить право пустой идеологической формой, иллюзорным образованием. Так, народный комиссар юстиции РСФСР, прокурор РСФСР Д. И. Курский требовал отмены старого права на том основании, что «отмена всех норм буржуазного права – единственная гарантия правосудия для городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства» [11, с. 38]. По мнению М. Ю. Козловского, «революция творит особое, невиданное нигде право, право пролетарское, которое все же право, в смысле средства подавления сопротивления меньшинства трудящимися классами» [8, с. 24]. Наконец, Н. В. Крыленко признавал принужде-

ние, осуществляемое государством, эксплуатацией, поэтому считал советское право, как и буржуазное право, эксплуататорским. Отсюда он делал вывод о том, что одной из задач социалистического строительства должно стать свертывание правовой формы советского государства [10, с. 33].

Центральной идеей советских юристов в первые годы советской власти становится борьба с юридическим мировоззрением как пережитком буржуазного мировоззрения. Например, В. О. Адоратский утверждает, что юридическое мышление ненаучно, а право и государство не представляют собой самостоятельных сущностей, поскольку «это идеи, являющиеся лишь звеньями в цепи своеобразного процесса общественной жизни. Самое же явление, которое скрывается под этой идеей, под этой видимостью, есть власть, вооруженная сила» [1, с. 32]. Выпускник юридического факультета Петербургского университета и бывший приват-доцент кафедры гражданского права А. Г. Гойхбарг подчеркивал: «Всякий сознательный пролетарий знает..., что религия – опиум для народа. Но редко, кто... осознает, что право есть еще более отравляющий и дурманящий опиум для того же народа» [4, с. 3]. Согласно профессору Петроградского университета М. А. Рейснеру, «если право – не “опиум для народа”, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье» [17, с. 35–36].

Советским правоведам было необходимо привести в соответствие теоретические построения классиков марксизма о роли права в будущем общественно-государственном устройстве и практику социалистического строительства. Однако уже первые месяцы существования советского государства со всей очевидностью показали несостоятельность этой идеи. Без правовых норм было невозможно ни вернуть жизнь общества в нормальную колею, ни, тем более, построить новый общественный строй. Столкнувшись с серьезными проблемами в процессе создания советского государства и осознавая, что решить их можно только путем создания эффективных правовых регуляторов, они видят несостоятельность идеи К. Маркса об отмирании права и государства на начальном этапе построения коммунистического общества, ее противоречие логике развития общества.

Исходя из соображений политической целесообразности и стремясь преодолеть в ходе государственного строительства трудности, связанные с анархизмом и неорганизованностью, они приходят к выводу о том, что в первой фазе коммунистического общества «буржуазное право» отменяется не вполне, а частично. В другой своей части право остается регулятором распре-

деления продуктов и труда между членами общества. Именно эта идея впоследствии приведет к возникновению концепции пролетарского права, которое будет восприниматься как единственно возможное средство осуществления диктатуры пролетариата, «одновременно принимаемое и подчиняемое» политике партии [33, р. 142]. Данная концепция послужит методологическим основанием зарождающейся советской юридической науки и правовой идеологии.

По точному замечанию французского социолога права Ж. Карбонье, «марксизм пришел к некоторому юридическому оптимизму, к признанию необходимости сохранения права, хотя бы как формы. Таким образом, из марксизма исчезли те положения, которые отталкивали от него юристов, преданных своей профессии, и тех социологов права, которые вышли из юридической среды» [7, с. 125–126]. Вместе с тем существование на протяжении длительного времени в советской науке методологического монополизма и жестокого идеологического контроля повлечет за собой не только прекращение развития конкурирующих между собой направлений правопонимания, но часто и физическое уничтожение их представителей. На смену различным формам символического насилия, как правило, не выходящего за пределы научных дискуссий, по отношению к ученым-юристам в середине 30-х гг. придет реальное насилие.

Однако в истории советской юриспруденции был период, когда шла открытая научная дискуссия и вопросы понимания роли и места права в обществе решались в ходе научных споров. Этот период приходится на годы становления советской власти (1920–30-е гг.), отмеченные сосуществованием нескольких различных направлений правопонимания, опиравшихся на правовые школы, сложившиеся еще в дореволюционном правоведении. Так, М. А. Рейснер, Я. М. Магазинер, Е. А. Энгель, И. Д. Ильинский в своих работах развивали идеи психологической школы права, основоположником которой был Л. И. Петражицкий. Позитивистское направление правопонимания активно разрабатывалось такими учеными, как Н. В. Крыленко, М. Ю. Козловский, С. А. Котляревский, Э. Э. Понтович, В. Н. Дурденевский, Л. В. Успенский и др. Социологическая школа права, у истоков которой стояли Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев нашла своих сторонников в лице П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса, А. К. Стальгевича, А. Г. Гойхбарга, Я. А. Канторовича, С. И. Аскназия. Отметим, что первоначально именно социологическое направление юридической науки получило официальную поддержку высших органов советской власти и идеи его

сторонников нашли свое воплощение в таком важнейшем документе, как «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 года.

Впрочем, несмотря на очевидное разнообразие правовых концепций, теорий и школ, их объединяло отрицание объективной природы и смысла права, его сущности и внутренней логики, а также оправдание диктатуры пролетариата. «Право и законность, – утверждал И. Ильинский, – лозунги, несколько отдающие стариною в эпоху диктатуры пролетариата» [6, с. 16]. Вместо права предлагалось опираться на «революционное правосознание», «революционную законность», «права трудящегося и эксплуатируемого народа», на неюридические регуляторы поведения людей – технические нормативы, организационные правила и т. д., отвечавшие, с точки зрения советских юристов, «высшим идеалам коммунизма» и «чаяниям всех народов и всех людей труда».

Постепенно первоначальная идея о «пролетарском праве» как праве принципиально нового, высшего типа, отличного от всех существовавших ранее типов права, трансформируется в учение о социалистическом праве как особом типе права. Оно даст возможность советской юридической науке примирить марксистский тезис об отмирании государства и права с реальностью и дополнить его теорией социалистического права. В то же время важнейшим правообразующим фактором окажется идеология, которая приведет советское правоведение к недооцениванию объективных факторов формирования права, идеологизации и идеализации правовых и социальных норм, выхолащиванию общесоциального содержания права, подмене понятия «правообразование» понятием «правотворчество».

Активным разработчиком и сторонником концепции пролетарского права был Д. И. Курский, по мнению которого новое коммунистическое право не должно защищать и признавать права и свободы отдельного индивида, поскольку оно является выразителем интересов пролетариата. Он утверждал при этом: «Диктатура пролетариата может признавать только интересы своего класса в целом; подлинный представитель такой диктатуры – весь класс в целом, т. е. рабочие и беднейшие крестьяне, организованные в коммунистическую партию и Советы; отдельное лицо, тем паче должностное лицо, – всегда исполнитель, даже когда является наиболее ответственным организатором» [11, с. 41]. Подчеркивая, что советская власть разрушила основы института буржуазного права: старое государство, крепостную семью и частную собственность, Д. И. Курский считал необходимым

установление в рабоче-крестьянском государстве особого правового порядка, под которым, как и другие советские юристы, понимал ограничение и подчинение прав всех слоев общества интересам диктатуры пролетариата. Вместе с тем правовед признавал деятельность революционных народных судов в качестве источника правотворчества, утверждая, что «в своей основной деятельности – уголовной репрессии – народный суд абсолютно свободен и руководствуется прежде всего своим правосознанием» [11, с. 47].

Почему же именно социологическое направление в юриспруденции получило официальное признание руководителей страны в первые годы советской власти? С одной стороны, это объясняется тем, что социологизм марксистского правоведения обусловлен историко-материалистическими постулатами марксистского учения об обществе, праве и государстве [35, р. 295]. С другой стороны, если государству и праву суждено отмереть в ближайшем будущем, то очевидно, что на смену этим социальным институтам придут должны прийти другие, обусловленные особенностями общества нового типа. По мнению Дж. Хэмпша, «как только исторический цикл завершится и человек однажды обнаружит, что живет в бесклассовом коммунистическом обществе, государственное и правовое принуждение исчезнут. Тогда только мораль и социальные обычаи станут регулировать общественные отношения» [28, р. 536]. Между тем наибольший интерес к этим регуляторам поведения людей проявляла именно социологическая теория права в лице многих выдающихся зарубежных и отечественных дореволюционных юристов. Наконец, не следует забывать о том, что право переходного периода, по убеждению советских руководителей, должно было, в том числе выполнять одну важную функцию – воспитательную. Как отмечает Дж. Л. Гильдебранд: «Советы признают, что их внутреннее законодательство и правовые институты выполняют образовательную функцию в процессе формирования характера советского народа. Задача советского права, имеющая социальное значение, состоит в том, чтобы обучать не только непосредственных участников конкретного спора, но и зрителей, заинтересованной общественности, а также общества в целом в духе идеи «нового советского человека», которую стремится развивать социалистическое государство» [29, р. 225–226].

III. Ренессанс социологической теории права

Отличительной чертой возникшего в Европе во второй половине XIX в. социологического направления в правоведении было исследование тех отношений, которые формируются в обще-

стве и лишь формализуются государством. Так, Г. Д. Гурвич утверждал, что Л. Дюги «продолжил и применил к своему времени исследования тех теоретиков, которые указывали на существование социального механизма правового регулирования в противовес государству (особенно исторической школы юристов и Прудона)» [5, с. 659]. Подчеркнем, что идеи «социализации» собственности, развиваемые в трудах Л. Дюги, нашли отражение в статьях основных законов Германии (1919, 1949 гг.) и Японии (1947 г.).

Социологическая школа права возникла и сформировалась как самостоятельное направление правопонимания из резкой критики легизма. Но с точки зрения методологии социологическое правопонимание осталось в рамках позитивистской правовой традиции, поскольку сфера научного интереса представителей данного направления не выходит за рамки эмпирического анализа. Право рассматривается ими как факт социальной жизни, а не как система нормативных предписаний государственной власти. Задачей социологического направления в правоведении признается его сторонниками не определение сущности права как вневременного феномена, а выявление того, насколько эффективны существующие в конкретном обществе правовые предписания, т. е. инструментальный анализ права. При этом существующие на настоящий момент различные концепции социологического правопонимания в качестве основания права могут рассматривать фактические правила поведения, складывающиеся в социальных союзах, судебную практику, юридически защищенный порядок общественных отношений, формы разграничения социальных интересов и т. д. Критикуя легистский подход к анализу правовых явлений и процессов, представители социологического направления в правоведении не предлагают четких критериев, с помощью которых можно было бы определить, какие сложившиеся в форме обычая социальные нормы имеют правовую природу и могут рассматриваться в качестве источника права, а какие относятся к сфере нравственности, религии, делового обыкновения.

В дореволюционной России социологического типа правопонимания придерживались Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский и С. А. Муромцев. По мнению Н. М. Коркунова, юридической науке следовало обратиться к изучению права в жизни и движении, а не превращаться в «служанку законодательства». Выступая против отождествления права с законом, он утверждал: «Если бы право и закон были тождественны, то было бы непонятно существование *юридических* теорий... Если бы норма делалась юридической

только в силу облечения ее в форму закона, единственно возможная юридическая теория была бы теория составления законов» [9, с. 92]. Не признавая крайностей механического индивидуализма, который сводил общество к простой сумме индивидов, а также этической теории Гегеля, растворявшей личность в обществе и государстве, Н. М. Коркунов развивал идеи «субъективного реализма». Он полагал, что общество представляет собой объективный порядок, тогда как личность является «особым самостоятельным началом», которое не растворяется в обществе и сохраняет «свою самостоятельность, свои особые цели, не сливающиеся с общественными и не подчиняемые им» [9, с. 276]. Сообразно с таким взглядом на общество и положение в нем личности, дореволюционный юрист отмечал, что право необходимо для обеспечения порядка в ситуации столкновения интересов через посредство их разграничения, т. е. установления пределов, в которых интерес может быть осуществлен (право), и соответствующих ограничений по отношению к другому сталкиваемому с ним интересу (обязанность).

В отличие от нравственности право, как полагал Н. М. Коркунов, не дает мерил для оценки интересов в понятиях добра и зла, а определяет границы осуществления интересов, устанавливает определенные права и обязанности участников общественных отношений. При этом, отвергая представление юридического позитивизма о том, что правоотношение есть производное, автоматическое порождение юридической нормы, изданной законодателем, он подчеркивал, что в исторической последовательности субъективное право предшествует объективному. «Историческое развитие всегда начинается с частного, а не с общего. Поэтому раньше создаются отдельные субъективные права, а уже потом общие регулирующие их нормы», – отмечал Н. М. Коркунов [9, с. 155]. Однако, как только нормы права сложились, они обуславливают собою субъективные права.

По мнению другого представителя отечественной дореволюционной юриспруденции, С. А. Муромцева, «жизнь права» шире юридических норм: «Вместо совокупности юридических норм под правом разумеется совокупность юридических отношений (правовой порядок)» [14, с. 47–48]. Следовательно, в основание определения права должно быть положено правоотношение, а не исходящая от государства правовая норма. Кроме того, С. А. Муромцев утверждал, что юристу, в особенности судье, нельзя ограничиваться формальной стороной применения права, поскольку толкование закона всегда предполагает его преобразование. Кри-

тикуя догматическое применение правовых норм и считая ссылку на «дух» закона не более чем пустым звуком, ученый пытался внести в теорию правоприменения такие критерии, как судебная практика, мнение судьи, общественное правосознание, справедливость и т. д. Он отмечал в своей работе «Что такое догма права?» (1884): «Целесообразность решения или нормы, подсказываемых творчеством, определяется критерием, который опирается не только на факты права, но в равной степени – на факты экономии, нравственности, религии и т. д. <...> Чем менее юрист приурочивает свое творчество к специально-юридической сфере, т. е. к сфере уже выработанных и общепризнанных юридических идей, тем более оно оригинально и плодотворно» [15, с. 31–32].

Таким образом, представители социологического направления в отечественной дореволюционной юридической науке предпринимали попытки выявить социальную природу права, отвергая правовой этатизм, понимающий под правом произвольное волеизъявление суверена. При этом их концепции развивались в рамках позитивизма, отрицавшего возможность познания умопостигаемой сущности права и основанного на утверждения о том, что наука может устанавливать только эмпирические связи между явлениями. Отвергая идею «естественного права» как права абсолютного, вечного и неизменного в своей сущности, сторонники социологического правопонимания делали акцент на изучение правовой динамики, т. е. условий возникновения и развития правовых отношений, предшествующих нормам государственного права. Они рассматривали право как социальное явление, обусловленное разнообразными факторами, в том числе историческими, социально-экономическими, политическими, культурными, психологическими, национальными и т. д.

Разумеется, нельзя не признать очевидные заслуги социологической теории права в разработке новых методологических подходов к изучению предмета правоведения. Так, социологическое понимание права позволяет улавливать нюансы многогранной и неоднозначной общественной жизни, своевременно предвидеть характер возможных изменений в общественных отношениях, в укладе социальной жизни и вносить коррективы во взаимоотношения людей, стабилизируя общественный порядок. Теория солидаризма лежит в основе политики т. н. «социального сотрудничества», активно внедрявшейся разными политическими силами. Заметим, что в 1920–30-е гг. советские правоведы (А. Г. Гойхбарг, Я. А. Канторович, С. И. Аскназий и др.) пытались применить разработанную

Л. Дюги теорию социальных функций к правовой действительности.

Несмотря на то, что отличительной чертой советского правоведения был теоретико-методологический догматизм, который и привел к кризису отечественной юридической науки и поиску новых типов правопонимания в недавнем прошлом, период 1920–30-х гг. характеризуется достаточно широким спектром разнообразных правовых концепций. Данный период П. И. Стучка назвал периодом «борьбы за право», «гражданской войны» на правовом фронте [19, с. 5], когда формируются теории, альтернативные легистскому подходу к определению права, его сущности, места и роли в обществе. Предложенная самим П. И. Стучкой и до сих пор привлекающая внимание ведущих зарубежных юристов концепция права как порядка общественных отношений формировалась под влиянием социологического направления в юридической науке, разрабатывавшегося представителями дореволюционной юриспруденции. Кроме того, как мы отмечали выше, это направление оказалось ближе других направлений общей теории права к марксизму.

Одно из ключевых положений концепции права П. И. Стучки – тезис о тождественности функций пролетарского государства и права. По его мнению, они представляют собой элементы единого механизма классового насилия. При этом государство является учреждением организованного насилия, а право понимается как соответствующие правила, порядок этого насилия. Тем самым отрицается какая-либо самостоятельная роль права, которое полностью подчиняется государству. Большинство советских юристов – современников П. И. Стучки утверждали, что государство, как политическая организация пролетариата и его союзников по классовой борьбе, должно существовать в период перехода от капитализма к коммунизму, тогда как право – явление, чуждое социализму, поэтому оно отомрет вместе с буржуазным государством. Об этом периоде П. И. Стучка позже напишет: «У нас было общепринято право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, как бы силу анархии, задерживающую всякую революцию» [19, с. 131].

Опираясь на положение марксистской теории об обусловленности права экономикой, П. И. Стучка, как и его коллеги, полагал отмирание буржуазного права неизбежным. В ходе пролетарской революции оно полностью уничтожается, «сдается в архив истории», так как «пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения

рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом, церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право, как систему норм, организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)» [19, с. 131].

Нетрудно заметить во взглядах П. И. Стучки на право признаки правового нигилизма – он отрицает ценность права и поднимает вопрос о «культурной революции» в юриспруденции. Полагая, что, в отличие от культуры, право не должно переходить в будущее общество, советский юрист, по сути, выносит его за рамки культуры как нечто больное и отмирающее. Но со временем правовой нигилизм П. И. Стучки немного смягчается. Как только становится ясно, что в ближайшей перспективе отмирания государства и права ожидать не приходится, он отходит от своих ранее высказанных радикальных предложений и рассуждает о необходимости совершенствования советского законодательства путем его кодификации.

В период проведения Новой экономической политики (1921–1928 гг.) П. И. Стучка выдвигает идею ограниченной рецепции буржуазного частного права, т. е. рецепции в рамках социалистической государственной собственности, диктатуры пролетариата и классового толкования права. Поскольку НЭП, как известно, был вынужденной и временной мерой, которая была вызвана глубоким экономическим кризисом, разразившимся в результате гражданской войны, внешней интервенции и политики «военного коммунизма», допущение любых элементов капиталистической экономики в плановую экономику сопровождалось жестким ограничением частного оборота и, следовательно, изменениями буржуазного права.

Политическая необходимость вынуждает П. И. Стучку, заявлявшего о скором и полном отмирании права, начать разрабатывать концепцию «пролетарского права». Юрист объясняет целесообразность формирования такого права тем, что оно необходимо для преодоления права как такового и перехода «от права... периода социалистического строительства к неправу, к отсутствию, отмиранию всякого права как ненужного» [19, с. 520–521]. Иными словами, при социализме право остается буржуазным из-за неразвитости правосознания населения и представляет собой институт, который тормозит построение коммунизма, но на этом этапе, по мнению П. И. Стучки, без права обойтись нельзя.

С такой точки зрения он отождествляет даже Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. с буржуаз-

ным правом и утверждает, что этот нормативный правовой акт является «буржуазным кодексом», хотя в целом подчиненным «социалистической плановости рабочего класса» [19, с. 593]. Следует отметить, что здесь П. И. Стучка был не одинок: идея о том, что право, как буржуазное по своей природе, вытесняется планом как социалистическим средством, получила широкое распространение в советском правоведении, отражая представления многих ученых о принципиальной несовместимости права и социализма, а также о невозможности юридизации социализма и социализации права. Подобно большинству своих коллег П. И. Стучка считал право советского государства преимущественно буржуазным и на этом основании делал вывод о том, что право тормозит коммунистическое строительство. В то же время он противоречил сам себе, когда признавал «необходимость и факт особого советского права», обнаруживая его особенность в том, что советское право есть «пролетарское право». Он утверждал, что в переходный период после пролетарской революции не обойтись без нового права, которое могло бы воспринять отдельные элементы буржуазной правовой культуры.

Подчеркнем, что П. И. Стучкой было предложено первое в советской юридической науке определение права, причем социологическое по своему характеру. Свое официальное закрепление оно получило в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», предназначенному для народных судов. Согласно данному определению, «право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (т. е. этого класса)» [18, с. 44]. Однако используемые здесь термины «система», «порядок» и «форма» были лишены юридической специфики, что приводило к отождествлению права с производственными, экономическими отношениями. Рассматривая правовые нормы в качестве определенного аспекта права и утверждая, что сущность права заключается в правоотношениях, П. И. Стучка считал их не формой отношений производства и обмена, а самими этими отношениями, оформленными особым образом.

Такое определение права давало возможность критикам П. И. Стучки обоснованно упрекать ученого в отождествлении права с экономическими отношениями и растворении в экономике. Однако вопрос о соотношении права и экономики ставился и решался ученым на более высоком уровне, чем это пытались представить его оппоненты. Рассматривая общественные отношения как основание права, П. И. Стучка отме-

чает: «...Не отношения сами по себе тождественны с правом вообще, ...требуется еще целый ряд дополнительных признаков, чтобы они могли признаваться правовыми». Далее он поясняет, что, размышляя о системе или порядке общественных отношений, он имел в виду «...некоторую форму их организации» [20, с. 13].

Кроме того, его обвиняли в симпатиях к буржуазному социологизму. Отвечая своим оппонентам, П. И. Стучка писал, что с момента появления социологического направления в праве «...одно установилось твердо, что правом является, именно, система общественных отношений» [18, с. 44]. Он подчеркивал важность «...того ценного приобретения, которое внесла социологическая школа буржуазных юристов... что право не есть просто совокупность норм..., а является самою системою, самым порядком общественных отношений» [18, с. 44]. В целом не отрицая влияния на его концепцию исследований Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева и Р. Иеринга, советский юрист отмечал: «...Это, естественно, было так, но брал я у них только результат их исследований, но отнюдь не буржуазно-классовые атрибуты их науки» [20, с. 90]. Разумеется, такое признание, при всех оговорках, означало, что его собственная концепция права, основанная на марксистской идеологии, оставалась в границах социологического типа правопонимания.

Занимая ряд ответственных государственных постов, среди которых пост наркома юстиции и председателя Верховного суда РСФСР, П. И. Стучка много внимания уделял революционной законности, определяя ее также с позиций социологической юриспруденции. Так, «революционная законность» означает у него политический режим диктатуры пролетариата в условиях радикальных социальных преобразований и гражданской войны. С одной стороны, она предполагает ограниченное использование дореволюционного законодательства, а с другой – возможное отступление от декретов советской власти в интересах революции и применение судом партийных директив и стандартов массового поведения. Советские суды, в основном непрофессиональные, во имя развития революции и с целью поддержания революционной законности должны были, по мнению П. И. Стучки, рассматривать дела, руководствуясь принципом политической целесообразности.

В концепции П. И. Стучки важнейшим признаком права, с помощью которого охраняются общественные отношения, признается принуждение, исходящее от господствующего класса. Существуют одна конкретная и две абстрактные формы выражения права. Конкретная форма,

согласно П. И. Стучке, имеет не надстроечный, а базисный характер и полностью совпадает с экономическими отношениями (например, право пользования, распоряжения и т. д.). Абстрактные формы права, выражающиеся в нормах и в правовой идеологии, имеют надстроечный характер. Таким образом, как считает П. И. Стучка, правосознание и законодательство представляют собой форму права, тогда как общественные отношения являются его содержанием. Развивая свою мысль, он отмечает: «...Под революционным или социалистическим правосознанием скрывалось в значительной степени то же буржуазное правосознание, ибо иного правосознания ни в «природе», ни в человеческом представлении еще не существовало» [20, с. 104]. В первобытном обществе, поскольку средства производства были обобщены, не существовало государства и права. На следующих ступенях экономического развития (рабовладельческое и феодальное общества) происходит постепенное расхождение абстрактной и конкретной форм; в результате буржуазных революций возникает конфликт между новыми материальными отношениями и устаревшим законодательством, а в результате пролетарской революции происходит сближение форм права на основе материального и формального равенства и последующее слияние этих форм при коммунизме. Именно их слияние, по мнению П. И. Стучки, приведет, в конечном итоге, к полному отмиранию государства и права.

На протяжении своей научной деятельности П. И. Стучка колебался при решении вопроса о том, что следует понимать под правом: «систему (порядок)» общественных отношений или «систему норм (законов)», которые устанавливают, регулируют и охраняют порядок общественных отношений. В последние годы жизни он склонялся к трактовке права как средства классового господства. По его мнению, юридические нормы являются отражением материальных отношений, преобладающих над юридической формой. Опираясь на идею классового интереса, П. И. Стучка утверждал, что классовые отношения, отражающие классовые интересы, первичны, в то время как нормы права и законы, издаваемые государством, вторичны. Следовательно, если основой права являются общественные и производственные отношения, то в молодом советском государстве за правом должна быть признана организующая роль, которая выражается в закреплении новых общественных отношений и содействии их развитию. По мнению советского юриста, тот, кто «понял, что собственность, наследство, купля-продажа и т. д. – не что иное, как правовые отношения, а

стало быть, и формы общественных взаимоотношений людей, тому откроются глаза и на те общественные отношения, которые кроются за всякой действительной правовой статьей закона» [20, с. 11]. В таком случае закон, поскольку он является одним из способов организованного массового действия государства, нужен лишь на время его существования.

При этом П. И. Стучка отвергал волевою теорию права, считая ее близкой к идеализму. По его мнению, термин «воля» имеет целый ряд различных значений и от этого превращается в слово либо непонятное, либо вносящее крайнюю путаницу в понимание самых серьезных проблем [21, с. 505]. Напротив, по мнению ученого, бытие определяет сознание и выражением материального бытия является классовый интерес, который лежит в основе воли, формируя общественные отношения. Он отмечает в третьем томе «Энциклопедии государства и права»: «Чтобы очистить область права от всяких идеалистических пережитков, не исключая и остатков психологического или просто бессодержательно-фразеологического характера, волевою теорию права надо, пока не найдено лучшей, заменить теорией интереса, а именно интереса класса в целом» [21, с. 507]. По сути, П. И. Стучка солидарен здесь с Р. Иерингом, называя его самым смелым и откровенным представителем буржуазной науки права, в том числе потому, что он выделял в праве защищаемый принудительными средствами господствующий интерес.

Вообще, вся большая научная работа П. И. Стучки представляла собой настойчивое искание новых путей научного исследования. Сам он хорошо понимал несовершенство того, что им было сделано, и призывал к дальнейшему творческому научному исследованию. В 1933 г. П. И. Стучка опубликовал статью «Мой путь и мои ошибки», в которой рассмотрел весь путь своих научных исследований, подвел итоги своей работы. Он пишет, что «возможна, конечно, более совершенная формулировка понятия права. Необходимо более подчеркнуть слова “система или порядок” или заменить их иным словом, более ярко отмечающим сознательное участие человека в установлении этой “системы или порядка”» [19, с. 58]. Как признается П. И. Стучка, сам он незадолго до написания этой статьи стал заменять в своих исследованиях термин «система» выражением «форма организации общественных отношений», т. е. отношений производства и обмена.

Несмотря на критику представителями советской юридической науки определения права, предложенного П. И. Стучкой, его исследования следует отнести к ее достижениям. Большой

заслугой является то, что он не сводил право исключительно к нормам. Рассматривая его как сложное общественное явление, П. И. Стучка различал в праве отдельные стороны, формы его выражения и осуществления, а именно правовые отношения, нормы права и правосознание. Кроме того, социологическая теория права П. И. Стучки при всех ее недостатках имела своих последователей и послужила источником тех идей, на которых позже начнет формироваться интегративная теория, отражающая новый тип правопонимания. Тем не менее, по образному выражению Р. Шарлета, с конца 1920-х гг. школа права «товарной биржи» начала «господствовать над интеллектуальным аппаратом юридической культуры» в СССР [37, р. 161].

Творческое развитие советской юридической науки резко прервалось в 1938 г., когда единственно верным было признано определение права, данное А. Я. Вышинским. В соответствии с ним, право представляет собой «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу» [16, с. 37]. Таким образом, легистский позитивизм получил признание в качестве официальной доктрины. Однако концепция права А. Я. Вышинского сразу стала объектом жесткой критики со стороны представителей западной юридической науки, прежде всего американской. Например, в статье «Советская концепция права» (1938) В. Гсовский утверждает, что «хотя теперь советские юристы стремятся использовать традиционные правовые теории, они все еще преследуют особую цель «классовой справедливости», которая не согласуется с этими теориями, и они не готовы написать на своем знамени слова о реальном верховенстве закона и субъективных прав. Они принимают тело традиционной юриспруденции, но отвергают ее душу» [27, р. 43].

Иные концепции, которые пытались примирить учение К. Маркса и его последователей о государстве и праве с советской действительностью, объявлялись вредными и ошибочными. В том числе и по этой причине, как отмечают зарубежные правоведы, долгое время не могла сформироваться удовлетворительная марксистская теория права [36, р. 74; 40, р. 27; 41, р. 357]. На несколько десятилетий между правовой реальностью и ее исследователем был установлен непроницаемый экран понятий, категорий и

концептов, которые несли на себе печать господствующей идеологии и искажали представления о праве и его роли в жизни людей.

Заключение

За долгое время существования юридической науки, в том числе российской, выработался особый язык права, который, на самом деле, является языком исследователя правовых феноменов. Правовед выступает посредником между правовой реальностью, т. е. социальным опытом, и субъектом, желающим осмыслить полученный им опыт. Возникновение позитивизма, как, впрочем, и юснатурализма, в равной мере не свободное от правового фетишизма (в первом случае – формального, во втором – содержательного), было обусловлено стремлением обнаружить надежный ориентир для интеллектуального расположения и продвижения в правовой реальности. Так, место теологической картины мира, обозначавшей этот ориентир по ту сторону реального мира, сначала занимает метафизическая философия права, оперирующая понятиями природы и разума, на смену которой под лозунгом непосредственного обращения к опыту приходит позитивизм. Отказываясь от абстрактных понятий и категорий школы «естественного права», позитивисты берут на себя функцию обеспечения (сопровождения) интеллектуального продвижения в правовой реальности как профана, так и практикующего юриста. Но здесь уместно задуматься о целях, преследуемых при реализации данной функции, и о соотношении правовой реальности с общественной жизнью. Иными словами, предлагая определенную модель правовой реальности, не подменяет ли при этом юридический позитивизм *объяснение* феноменов их *оправданием*, а научный поиск – идеологией, как это произошло сначала в мягкой форме в 1920-е гг., а затем официально и достаточно жестко после 1938 г. в СССР?

Ставя вопрос в такой форме, мы обнаруживаем такое препятствие на пути познания права, которое французский специалист по марксистской теории права М. Миай называет «юридическим идеализмом» [36, р. 49]. Несмотря на отмежевание юридического позитивизма от юснатурализма, их многое объединяет. Помимо искушения правовым фетишизмом, их представители делают выбор в пользу идеологической абстракции в ущерб научной, т. е. в пользу репрезентации в ущерб объяснению. Если сначала понятия и категории применяются ими только для обозначения новых феноменов, возникающих в различных сферах общественной жизни («договор», «государство», «свобода», «собственность», «наследование»), то впоследствии

они не просто получают самостоятельное значение, но и объясняются через посредство других понятий и категорий. Например, обмен рассматривается уже не как факт общественной жизни, а как «договор», «соглашение воле контрагентов». Репрезентация общественной жизни, предлагаемая юридической наукой, объясняет и определяет саму себя через понятия и категории, поднимая идеологию на уровень науки и легитимируя появление той или иной правовой нормы путем отсылки к «идее права». Упрощая, можно сказать, что репрезентация общественной жизни, выдаваемая за правовую реальность и отвечающая потребностям каких-либо социальных групп, не должна быть правильной – она должна быть полезной. Неслучайно поэтому и известный отечественный правовед С. С. Алексеев, и зарубежные юристы обнаружили общие черты у теории «естественного права» и марксистского учения о государстве и праве.

Понятие эпистемологического препятствия заимствовано нами из философии, где оно используется для обозначения реальных, объективных препятствий на пути научного познания, не всегда осознаваемых ученым и обусловленных социальным и историческим контекстом, в котором он работает. Применительно к препятствиям на пути познания права следует принимать во внимание особенности целого комплекса институтов, в рамках которых право формируется, реализуется, а также преподается и изучается. Этот материал – «исторический континент», по выражению К. Маркса – должен быть критически осмыслен правоведами в перспективе понимания права, свободного от правового фетишизма и предполагающего конструирование юридической науки как существенной части единого «исторического континента». Как отмечает Л. Альтюссер: «Маркс основал новую науку: науку истории общественных формаций, или науку истории. Теперь, когда мы это установили, можно утверждать, что история наук обнаруживает существование ... больших специфических континентов. 1. Математический континент (открытый древними греками). 2. Физический континент (открытый Галилеем). 3. Маркс открыл третий большой континент: исторический континент» [22, р. 52]. Исследование наследия советской политической и правовой мысли может оказаться полезным для путешественников по этому континенту.

Библиографический список

1. *Адоратский В. О.* О государстве (к вопросу о методе исследования). М.: Тип. Моск. Таган. тюрьмы, 1923. 97 с.

2. *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода. Ч. 1: Общая теория трансформационного процесса. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1920. 157 с.
4. *Гойхбарг А. Г.* Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1. С. 3–24.
5. *Гурвич Г. Д.* Философия и социология права. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2004. 848 с.
6. *Ильинский И.* Право и быт. М.; Л.: Госиздат, 1925. 127 с.
7. *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 352 с.
8. *Козловский М. Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролет. революция и право. 1918. № 1. С. 24–27.
9. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2003. 430 с.
10. *Крыленко Н. В.* Беседы о праве и государстве. М.: Красная новь, 1924. 190 с.
11. *Курский Д. И.* Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во, 1948. 196 с.
12. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
14. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. 250 с.
15. *Муромцев С. А.* Что такое догма права? М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1885. 35 с.
16. *Основные задачи науки советского права: материалы I Совещания науч. работников права, 16–19 июля 1938 г.* М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 192 с.
17. *Рейснер М. А.* Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М.: Госиздат, 1925. 276 с.
18. *Стучка П. И.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. 1917–1930. М.: Госюриздат, 1931. 250 с.
19. *Стучка П. И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига: Латв. гос. изд-во, 1964. 748 с.
20. *Стучка П. И.* Революционная роль советского права. М.: Сов. законодательство, 1932. 205 с.
21. *Энциклопедия государства и права: в 3 т. / В. В. Адоратский, Я. А. Берман, Я. Л. Берман и др.; под ред. П. И. Стучки.* М.: Изд-во Комакадемии, 1925–1927. Т. 3. 1670 с.
22. *Althusser L.* Lénine et la philosophie suivi de Marx et Marx et Lénine devant Hegel. P.: Ed. François Maspero, 1972. 93 p.
23. *Borella F.* Elements de Droit Constitutionnel. Paris: Presses de Sciences Po, 2008. 439 p.
24. *Cohendet M.-A.* Droit constitutionnel. P.: Montchrestien, 2011. 553 p.
25. *Collins H.* Marxism and Law. Oxford: Oxford University Press, 1988. 176 p.
26. *Garapon A.* Bien juger: Essai sur le rituel judiciaire. Paris: Odile Jacob, 1997. 355 p.
27. *Gsovski V.* The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7. Issue 1. P. 1–43.
28. *Hampsch G. H.* Marxist Jurisprudence in the Soviet Union: A Preliminary Survey // Notre Dame Law Review. 1960. Vol. 35. Issue 4. P. 525–536.
29. *Hildebrand J. L.* The Sociology of Soviet Law: The Heuristic and “Parental” Functions // Case Western Reserve Law Review. 1971. Vol. 22. Issue 2. P. 157–229.
30. *Hirst P.* On law and ideology. London: Macmillan Press, 1979. 281 p.
31. *Homan Jr. F. G.* Soviet Theory of Jurisprudence // Cleveland State Law Review. 1965. P. 402–410.
32. *Kelly J. M.* A Short History of Western Legal Theory. N. Y., 2001. 466 p.
33. *Krygier M.* Marxism, Communism, and Rule of Law // Marxism and Communism: Posthumous Reflections on Politics, Society, and Law / Krygier M. (ed.). Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1994. P. 137–173.
34. *McLellan D.* Karl Marx: His Life and Thought. London: Macmillan, 1974. 498 p.
35. *Melkevik B.* Pasukanis: Une Lecture Marxiste de Maurice Hauriou // Revue D’histoire Des Facultés De Droit Et De La Science Juridique. 1989. № 8. P. 295.
36. *Miaille M.* Une Introduction Critique Au Droit. P.: Ed. François Maspero, 1980. 388 p.
37. *Sharlet R.* Stalinism and Soviet Legal Culture // Robert C. Tucker (Ed.). Stalinism: Essays in Historical Interpretation. N. Y.: Norton, 1977. P. 155–179.
38. *Terré F.* Introduction générale au droit. P.: Dalloz, 1998. 646 p.
39. *Villey M.* Un ouvrage récent sur Marx et le droit, Umberto Cerroni, Marx et il diritto moderno // Archives de philosophie du droit. 1966. XI. P. 329–337.
40. *Vincent J.-M.* Fétichisme et société. P.: Anthropos, 1973. 346 p.
41. *Weyl M. et R.* La part du droit dans la réalité et dans l’action. P.: Editions sociales, 1969. 384 p.
42. *Zimmermann A.* Marxism, Communism and Law: How Marxism led to Lawlessness and Genocide in the Former Soviet Union // The Western Australian Jurist. 2011. Issue 2. P. 1–60.

References

1. *Adoratskiy V. O. O gosudarstve (k voprosu o metode issledovaniya)* [On the State (to the Question of Research Method)]. Moscow, 1923. 97 p. (In Russ.).
2. *Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: the ABC – Theory – Philosophy. The Experience of Complex Research]. Moscow, 1999. 712 p. (In Russ.).
3. *Bukharin N. I. Ekonomika perekhodnogo perioda. Ch. 1. Obshchaya teoriya transformatsionnogo protsessa* [Economy of the Transition Period. Part 1. The General Theory of Transformational Process]. Moscow, 1920. 157 p. (In Russ.).
4. *Goykhbarg A. G. Neskol'ko zamechaniy o prave* [Some Observations on the Law]. *Sovetskoe pravo – Soviet Law*. 1925. Issue 1. Pp. 3–4. (In Russ.).
5. *Gurvich G. D. Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg, 2004. 848 p. (In Russ.).
6. *Il'inskiy I. Pravo i byt* [Law and Everyday Life]. Moscow; Leningrad, 1925. 127 p. (In Russ.).
7. *Carbonnier J. Yuridicheskaya sotsiologiya* [Sociology of Law]. Moscow, 1986. 352 p. (In Russ.).
8. *Kozlovskiy M. Yu. Proletarskaya revolyutsiya i ugolovnoe pravo* [The Proletarian Revolution and Criminal Law]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo – Proletarian Revolution and Law*. 1918. Issue 1. Pp. 24–27. (In Russ.).
9. *Korkunov N. M. Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. St. Petersburg, 2003. 430 p. (In Russ.).
10. *Krylenko N. V. Besedy o prave i gosudarstve* [Discussions about Law and State]. Moscow, 1924. 190 p. (In Russ.).
11. *Kurskiy D. I. Izbrannye stat'i i rechi* [Selected Papers and Speeches]. Moscow, 1948. 196 p. (In Russ.).
12. *Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineniy. Izdanie 5-e.* [Collected Works]. Moscow, 1962. (In Russ.).
13. *Marx K., Engels F. Sochineniya. Izdanie 2-e.* [Collected Works]. Moscow, 1955. (In Russ.).
14. *Muromtsev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava* [The Definition and Main Division of Law]. Moscow, 1879. 250 p. (In Russ.).
15. *Muromtsev S. A. Chto takoe dogma prava?* [What is a Legal Thought?]. Moscow, 1885. 35 p. (In Russ.).
16. *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo prava: materialy I Soveshchaniya nauchnykh rabotnikov prava. 16–19 iyulya 1938 g.* [The Main Tasks of the Soviet Law Science: Proceedings of the 1st Meeting of Law Researchers. July 16–19, 1938]. Moscow, 1938, 192 p. (In Russ.).
17. *Reyusner M. A. Pravo: Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo* [Law: Our Law. Foreign Law. Common law]. Leningrad; Moscow, 1925. 276 p. (In Russ.).
18. *Stuchka P. I. 13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava: Sbornik statey 1917–1930* [13 Years of the Struggle for the Revolutionary Marxist Theory of Law: Collected Papers of 1917–1930]. Moscow, 1931. 250 p. (In Russ.).
19. *Stuchka P. I. Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [Selected Works on the Marxist-Leninist Theory of Law]. Riga, 1964. 748 p. (In Russ.).
20. *Stuchka P. I. Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava* [The Revolutionary Role of Soviet Law]. Moscow, 1932. 205 p. (In Russ.).
21. *Entsiklopediya gosudarstva i prava: v 3 t.* [Encyclopedia of State and Law: in 3 vols.]. Moscow, 1925–1927. Vol. 3. 1670 p. (In Russ.).
22. *Althusser L. Lénine et la Philosophie Suivie de Marx et Marx et Lénine Devant Hegel.* Paris: Ed. François Maspero, 1972. 93 p. (In French).
23. *Borella F. Elements de Droit Constitutionnel.* Paris: Presses de Sciences Po, 2008. 439 p. (In French).
24. *Cohendet M.-A. Droit Constitutionnel.* Paris: Montchrestien, 2011. 553 p. (In French).
25. *Collins H. Marxism and Law.* Oxford: Oxford University Press, 1988. 176 p. (In Eng.).
26. *Garapon A. Bien Juger: Essai Sur le Rituel Judiciaire.* Paris: Odile Jacob, 1997. 355 p. (In French).
27. *Gsovski V. The Soviet Concept of Law.* *Fordham Law Review*. 1938. Vol. 7. Issue 1. Pp. 1–43. (In Eng.).
28. *Hampsch G. H. Marxist Jurisprudence in the Soviet Union: A Preliminary Survey.* *Notre Dame Law Review*. 1960. Vol. 35. Issue 4. Pp. 525–536. (In Eng.).
29. *Hildebrand J. L. The Sociology of Soviet Law: The Heuristic and “Parental” Functions.* *Case Western Reserve Law Review*. 1971. Vol. 22. Issue 2. Pp. 157–229. (In Eng.).
30. *Hirst P. On Law and Ideology.* London: Macmillan Press, 1979. 281 p. (In Eng.).
31. *Homan Jr. F. G. Soviet Theory of Jurisprudence.* *Cleveland State Law Review*. 1965. Pp. 402–410. (In Eng.).
32. *Kelly J. M. A Short History of Western Legal Theory.* New York, 2001. 466 p. (In Eng.).
33. *Krygier M. Marxism, Communism, and Rule of Law.* Krygier M. (ed.) *Marxism and Com-*

- munism: Posthumous Reflections on Politics, Society, and Law. Amsterdam – Atlanta: Rodopi, 1994. Pp. 137–173. (In Eng.).
34. *McLellan D.* Karl Marx: His Life and Thought. London: Macmillan, 1974. 498 p. (In Eng.).
35. *Melkevik B.* Pasukanis: Une Lecture Marxiste de Maurice Hauriou. *Revue D'histoire Des Facultés De Droit Et De La Science Juridique.* 1989. No. 8. P. 295. (In French).
36. *Miaille M.* Une Introduction Critique Au Droit. Paris: Ed. François Maspero, 1980. 388 p. (In French).
37. *Sharlet R.* Stalinism and Soviet Legal Culture. Robert C. Tucker (Ed.). *Stalinism: Essays in Historical Interpretation.* New York: Norton, 1977. Pp. 155–179. (In Eng.).
38. *Terré F.* Introduction Générale au Droit. Paris: Dalloz, 1998. 646 p. (In French).
39. *Villey M.* Un ouvrage récent sur Marx et le droit, Umberto Cerroni, Marx et il diritto moderno. *Archives de philosophie du droit.* 1966. XI. Pp. 329–337. (In French).
40. *Vincent J.-M.* Fétichisme et société. Paris: Anthropos, 1973. 346 p. (In French).
41. *Weyl M. et R.* La Part du Droit Dans la Réalité et Dans L'action. Paris: Editions sociales, 1969. 384 p. (In French).
42. *Zimmermann A.* Marxism, Communism and Law: How Marxism led to Lawlessness and Genocide in the Former Soviet Union. *The Western Australian Jurist.* 2011. Issue 2. Pp. 1–60. (In Eng.).